

УДК 372.881.111.1

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
ПЕРЕВОДИМОСТИ**

Д.В. Зыблева

*Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого,
Республика Беларусь, zybleva@gstu.by*

В статье анализируются отдельные аспекты «теории непереводимости»; рассматриваются пути установления переводимости на практическом уровне; выявляется зависимость перевода от типа текста и адресата.

Ключевые слова: структурно-семантическое творчество, сурсьеры, сиблисты, типы эквивалентности, фактологичность текста.

Исследование лингвистических аспектов межкультурной речевой деятельности занимает сегодня особое место в проблематике языкознания. Перевод выполняет важнейшую социальную функцию, в связи с чем, начиная с античных времен, широко обсуждается вопрос о степени близости исходного текста к тексту на другом языке, ведутся теоретические споры о допустимости буквального копирования подлинника или же использования вольного/свободного перевода для сохранения имплицитного воздействия на реципиента.

Основы научной теории перевода были заложены самими переводчиками, которые пробовали обосновать свое право отказаться от воспроизведения буквы оригинала, поскольку это приводило порой к непонятности таких священных или образцовых текстов, как Библия, юридические и другие документы. Известны попытки сформулировать нормативные требования к переводу. Так, французский поэт и переводчик Этьенн Доле предлагал следующие принципы перевода: а) понимание содержания текста оригинала и коммуникативного намерения его автора; б) превосходное владение языком оригинала и родным языком; в) отказ от перевода «слово в слово» для сохранения содержания и формы оригинала; г) использование в переводе общеупотребительных форм речи; д) сохранение в переводе воздействия на читателя, имплицитного в оригинале [8, 1].

В научных кругах восемнадцатого столетия получил известность спор двух ведущих литературоведов того времени Йоганна Готтшеда из Лейпцига и Якоба Брейтингера из Цюриха по поводу критики переложений на немецкий язык произведений поэта Джона Милтона швейцарским писателем и литературным теоретиком Йоганном Бодмером.

Для Готтшеда правильные переводы должны согласоваться с принципами нормативной поэтики. Там, где оригинал не соответствует этим правилам, переводчик должен усовершенствовать его, чтобы текст плавно вписался в литературу. Перевод должен быть полностью немецким без чужих лингвистических единиц и конструкций, без заимствований. Если перевод выполняет эту задачу, то переводимость считается достигнутой. По словам Готтшеда, в языках отражается различие в характере и образе мышления, в памяти разных наций. Это касается не только отдельных слов и фраз (например, название обычаев, пословицы, метафоры), но и грамматических свойств, как субстантивация, словосложение, синтаксическое использование причастий. Решающим является утверждение Готтшеда о том, что немецкий язык может быть расширен за счет введения новых средств выражения, которые поначалу возможно покажутся ему чуждыми. Только тогда переводу удастся установить переводимость, потому что в каждом конкретном случае будет выясняться, насколько устойчивы модели и абстрактные концепции, а также как проявляются существенные различия и трудности при всей своей теоретической гармонии.

Другой точки зрения придерживается Брейтингер. Он считает, что переводчик должен следовать предписанным самому себе жестким законам, не отклоняясь от основного текста в содержании, форме и природе. Брейтингер решительно выступает против изменения оригинала (например, путем приема опущений), потому что в литературном произведении все слова функциональны, представляют собой единое целое. Поскольку ни одна деталь текста не является случайной, их воспроизведение требует самой высокой точности [4].

Хотя позиции обоих ученых непримиримо сталкиваются и принципиально отличаются поэтическими, эстетическими и литературно-языковыми взглядами, оба

они сходятся в рационалистическом понимании языка, согласно которому между языками существует принципиальная переводимость при их несоответствии один к одному. Проблема заключается в установлении переводимости на практическом уровне, а именно, как переводчики должны вести себя в отношении трудностей, возникающих из-за индивидуальной специфики видов речи и конструктивных возможностей (например, причастных оборотов). Имеет ли право переводчик передавать в целевом тексте лингвистические, стилистические и формальные особенности оригинала, нарушая тем самым нормы родного языка.

Переводимость можно понимать как переводческую эквивалентность. Для установления эквивалентности переводчику приходится проявлять гибкость, выбирая от случая к случаю методы, обусловленные типом текста, адресатом и функцией перевода.

Уже в античные времена была установлена зависимость перевода от типа текста. Так, считалось, что библейские тексты следует переводить дословно, поскольку «божье слово» является неприкосновенным. Содержание светских текстов можно было интерпретировать по смыслу. В литературных кругах древнего Рима греческие трагедии переводились относительно точно, в то время как комедии подвергались свободной адаптации. Причина заключалась в том, что поэты-трагики легче преодолевали культурную дистанцию между Афинами и Римом, чем создатели комедий, успех которых был обусловлен степенью восприятия их творчества народными массами.

Проблемы эквивалентности перевода, связанные с учетом целевой аудитории, были подвергнуты систематическому исследованию только в 20-ом столетии. В 50-х годах Жорж Мунен разработал технологию методических приемов для перевода литературных текстов. В середине 70-х годов, Катарина Райз, анализируя случаи несоответствия прагматического потенциала оригинала целевой аудитории на другом языке, приходит к выводу, что переводчик должен переработать исходный текст таким образом, чтобы сделать его доступным для понимания. Число объяснений и уточнений в переводе возрастает, если есть опасность что относительно большая часть информации в подлиннике, может быть, не понята или понята превратно. Катарина Райз подчеркивает взаимозависимость языка и культуры и выдвигает тезис о невозможности установления переводческой эквивалентности без учета прагматических и культурных аспектов [9].

В работах по теории перевода рассматриваются такие типы эквивалентности, как денотативная, коннотативная, смысловая, динамическая, формальная, коммуникативная, прагматическая и действенная.

Термины формальная и действенная эквивалентность способствуют более глубокому проникновению в проблематику межъязыковой коммуникации. Следует подчеркнуть, что под переводческой эквивалентностью не подразумеваются отношения идентичности или подобия. Идентичность здесь может быть установлена только на содержательном уровне, например, взаимообратимое соответствие между топонимами *Teves* и *Trier*, или именами собственными *Tacite* и *Tacitus*. Однако подобные совпадения один-в-один встречаются довольно редко.

В процессе перевода чаще устанавливаются отношения подобия как на содержательном, так и на формально-эстетическом уровнях. Переводческая эквивалентность достигается только в ограниченном объеме посредством декодирования исходного текста, особенно если он простой по форме и состоит исключительно

из нормативных структур и выражений. Большинство же текстов должны быть творчески переработаны переводчиком.

Условно можно выделить три типа переводчиков: сурсьеры (*sourciers* – от фр. *source* – ‘источник’), сиблисты (*ciblistes* – от фр. *cible* – ‘цель’) и те, кто лишь по необходимости отклоняется от воспроизведения в тексте перевода значений и структур, свойственных тексту подлинника [5].

Сурсьеры (*sourciers*) переводят оригинал, придерживаясь его формы и содержания, создавая структурно-семантическое тождество между высказыванием подлинника и перевода. В результате получается симметричный, нетрансформированный перевод. Рассмотрим несколько примеров из упражнения, предложенного в учебном пособии А. Архипова «Самоучитель перевода с немецкого языка на русский»:

1) *Wir unterscheiden drei Arten der Teilnahme an einer internationalen Konferenz:*

1а) ‘Мы различаем три вида участия в международной конференции’;

2) *-Delegationen mit beschließender Stimme, die von ihren Staaten zur Führung von Verhandlungen und Annahme der Schlussdokumente ermächtigt sein müssen.*

2а)– ‘Делегации с решающим голосом, которые должны быть уполномочены своими государствами для ведения переговоров и принятия заключительных документов’ [1, 167].

В переводе 1а) применен способ синтаксического уподобления, при котором имеет место полное соответствие количества языковых единиц и порядка их расположения в обоих языках.

Перевод второго примера осуществлен с сохранением одинакового набора членов предложения и полным соответствием лексических и грамматических значений. Сложное сказуемое *должны быть уполномочены* стоит на втором месте, что объясняется нормой русского языка.

Сиблисты (*ciblistes*) стремятся избежать интерференции и, ориентируясь на специфику целевого языка, используют структурные, семантические и структурно-семантические трансформации:

Wir traten in die Waschküchenschwüle der Straße.

‘Мы вышли на улицу: было жарко и влажно как в парильне’ [6, 36].

В данном примере переводчик описывает фрагмент действительности, отраженный в совокупном содержании исходного предложения, средствами целевого языка точно так же, как если бы он узнал его с помощью своих органов чувств. Сложное существительное *Waschküchenschwüle* (духота как в кухне, где стирают белье) преобразовано в выражение *было жарко и влажно как в парильне*. Здесь достигается эквивалентность на уровне идентификации.

Поскольку переводческая деятельность является процессом творческим, возникает ряд ситуаций, когда убежденные сурсьеры и сиблисты вынуждены отклоняться от своих принципов, особенно при репрезентации поэтических текстов (сурсьеры) или научно-технической литературы (сиблисты).

Для определения рамок переводческой эквивалентности необходимо ответить на два основополагающих вопроса: всегда ли достижима переводческая эквивалентность и всегда ли она уместна и необходима.

Здесь следует упомянуть дискуссию по так называемой «теории непереводаемости», сущность которой заключается в принципиальной невозможности тождества двух текстов на разных языках из-за уникальности и неповторимости их структур, грамматического строя и словарного состава. Это касается, в первую

очередь, художественных и философских произведений, обладающих особой эстетической формой и колоритом.

Касательно первого вопроса следует отметить теоретиков языкознания и практиков перевода эпохи Просвещения, наивно полагающих полную взаимозаменяемость систем языковых знаков, потому что в основе всех человеческих языков лежат общепринятые грамматические категории. В предисловии к «Grammair générale» Николя Бозе утверждал, что находит повсюду одинаковые взгляды, принципы и универсальность общих законов языкознания. Называя «идиотизмами» некоторые различия в языках, он считал их лишь лимитированными отклонениями, поскольку все люди на земле говорят на абсолютно одинаковых языках без аномалий и исключений, несмотря на разнообразность идиоматических выражений [7, 230].

Подобных взглядов придерживались так же Антуан Арнольд и Клод Ланселот в изданной в 1660 году, «Grammair générale» пытаясь создать на базе греческого, латинского и французского языков одинаковые, действующие для всех языков в мире грамматические категории. Концепция общих логических форм была подвергнута критике Дидро, придерживающегося положения о внутренней системе самостоятельности каждого языка [7, 231].

В ранних философских трактатах Вильгельма фон Гумбольдта постулируется взаимосвязь языка и мышления. Он утверждает также, что слова одного языка не могут полностью соответствовать словам другого, поэтому переводимость текстов не может быть достигнута, поскольку каждый язык выражает «дух народа» и является не только средством передачи информации, но и определяющим способом мышления. Таким образом, перед переводчиком стоит дилемма: он должен одновременно и сохранить верность «духу» оригинала и «духу» родного языка. Эти скептические суждения были им позже несколько смягчены. Признавая универсальность человеческого духа, Гумбольдт отмечал похожесть человеческих языков [3].

Если исходить из положения, что перевод должен точно воспроизводить оригинал, возникает проблема непереводимости по чисто лингвистическим причинам.

Переводимость, в широком смысле слова, связывают с пониманием, являющимся необходимым условием для успешной коммуникации между людьми с разным лингвокультурным происхождением. Именно перевод призван осуществить это понимание.

Непереводимость обусловлена трудностями и пределами понимания типичных, центральных, присущих определенным языковым сообществам семантических структур. Так, проблема переводимости может быть связана с количественным составом семантических полей в разных языках. Например, синонимический ряд в немецком языке для обозначения высказывания с непонятным смыслом лишь частично соответствует русскому:

ср.: нем. – *Unsinn, dummes Zeug* и русск.: - *бессмыслица, чепуха, чушь, вздор, ахинея, белиберда, галиматья, дичь, нелепость, ерунда* и др.

Следовательно, переводимость здесь будет не абсолютной, а приблизительной из-за ограничений в индивидуальном языковом различии.

Переводимость с практической точки зрения понимается как возможность выразить все, что есть в одном языке, средствами другого; разница касается лишь структуры форм и их коннотаций.

Следует проводить различия между переводимостью в денотативном и коннотативном диапазонах. На денотативном уровне переводимость подтверждается полностью. При наличии пробелов в лексической системе они устраняются посредством различных методов: заимствованием слов, неологизмами, сдвигами в значении, перефразированием и др. При наличии реальностей, еще не известных в целевом языке, переводчик использует те же процедуры, которые обычные носители языка применяют в подобных случаях: принятие выражений из исходного языка, перевод заимствований (корректировка значений), создание новых выражений и значений локальными средствами.

Переводимость базируется на действительной реальности, верно или неверно отраженной в подлиннике. Степень точности передачи семантики исходного текста определяется его предназначением и уровнем фактологичности.

Переводимость условно ограничена или невозможна при доминировании отдельных коннотативных значений или языка в своей эстетической функции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Архипов, А. Ф. Самоучитель перевода с немецкого языка на русский/ А. Ф. Архипов. – Москва: Высшая школа, 1991.-255 с.
2. Gallagher, John D. Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungsäquivalenz/ John D. Gallagher// Kontrast und Äquivalenz: Beiträge zu Sprachvergleich und Übersetzung. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1998. – S. 2-20.
3. Humboldt, W. von. Einleitung zu “Agamemnon”/ W. von Humboldt// Das Problem des Übersetzens: Wege der Forschung VIII. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. – S. 71-96.
4. Koller, W. Das Problem der Übersetzbarkeit/ W. Koller// Kontrast und Äquivalenz: Beiträge zu Sprachvergleich und Übersetzung. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1998. – S. 118-134.
5. Ladmiraal, R. Sourciers et cibles/ R. Ladmiraal// Traducere navem. Festschrift für Katharina Reiß zum 70. Geburtstag. – Tampere: Institut für Translationswissenschaft der Universität Tampere, 1981. – P. 287-300.
6. Латышев, Л. К. Технология перевода. Уч. пос. по подготовке переводчиков (с нем. яз.)/ Л. К. Латышев. – Москва: ТЕЗАУРУС, 2000. – 280 с.
7. Mercier, D. L'épreuve de la représentation. L'enseignement des langues étrangères et la pratique de la traduction en France aux 17ème et 18ème siècles/ D. Mercier. – Paris: Les Belles Lettres, 1995. – P. 215-237.
8. Паршин, А. Теория и практика перевода/ А. Паршин. – Москва: RuLit, 1985. – 310 с. – Режим доступа: [URL:https://www.rulit.me](https://www.rulit.me) (дата обращения: 30.03.2026). – Текст: электронный.
9. Reiß, K., Vermeer, H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie: Linguistische Arbeiten, 147/ K. Reiß, H. J. Vermeer. – Tübingen: Niemeyer, 1984. – S. 48-52.

LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS OF TRANSLATABILITY

D.V. Zybleva

*Gomel State Technical University named after P. O. Sukhoi,
Republic of Belarus, zybleva@gstu.by*

The article analyzes certain aspects of the “theory of untranslatability”; discusses ways to establish translatability at the practical level; reveals the dependence of translation on the type of text and the addressee.

Keywords: structural and semantic creativity, sources, seblists, types of equivalence, and text factuality.